

Михаил Лабашук
Zakład Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytetu Łódzkiego

КРИТЕРИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Хотя многие и отмечают неудовлетворительность термина „демократизация языка”, он часто встречается в разных типах общения. Наиболее обобщенно этот термин, очевидно, обозначает гласность, свободу волеизъявления народа, что, однако, представляет явно не лингвистический аспект определения. В языковом отношении выражение „демократизация языка” означает свободу публичного выражения личностью в единицах языка любых своих интенций на любые темы в разных типах общения. Вначале демократизация языка именно так и понималась. Так ли это обстоит на самом деле? – на этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Как предварительное определение категории демократизации языка можно представить следующее определение: „демократизация языка – это свобода публичного выражения личностью в единицах языка любых своих интенций на любые темы в разных типах общения”. Акцентируем в этом определении наиболее проблематичный аспект, в частности, аспект **„свободы выражения любых своих интенций на любые темы”**.

Демократизация языка, как и демократизация общества, оказалась далеко не однозначным явлением. Обычно говорят о позитивных аспектах этого явления, к которым относятся раскрепощение языковой личности, взаимопроникновение стилистических пластов языка, диалогичность и полилогичность коммуникации, ее открытость, наличие обратной связи в коммуникации и др. К негативным аспектам относятся определенный хаос в типологии речи, нередкая потеря говорящей личностью языкового самоконтроля, неограниченность, вседозволенность выражения, трансформация низовой культуры в массовую, отсутствие культурной и языковой самоцензуры и такой же самой социальной цензуры (а если таковые есть, то они немедленно отождествляются с политической цензурой, что далеко не одно и то же).

Причем, разграничение позитивных и негативных сем значения выражения „демократизация языка” производится на неосознанной основе, часто достаточно хаотически. Поэтому интуитивно-спонтанным представлениям необходимо противопоставить аргументированное, осознанно-расчлененное толкование

категории демократизации языка. Необходимо обозначить позитивные и негативные ценности, которые могут содержаться в понятии „демократизация языка”. Для подобного толкования следует исследовать связь и обусловленность категории демократизации языка, во-первых, современной общей постмодернистской тенденцией западного (европейского и американского) мышления и, во-вторых, разрушением консервативных государственных, политических и экономических устоев. Вседозволенность в языке тождественна постмодернистским тенденциям в культуре, в которых безотносительное смешение типологии далеко не всегда приемлемо, в частности, приемлемо только в отдельных стилях языка.

Таким образом, уже предварительно можно сказать, что демократизация языка – это не полная свобода выражения любых интенций, так как в коммуникации имеет принципиальное значение также содержание и форма выражения интенции. Несмотря на существующие негативные аспекты процессов демократизации, новые экономические, политические и социальные явления, прямо или опосредованно связанные с языком, набирают силу и получают одобрение в обществе. Тем не менее в обществе одновременно нарастает и понимание того, что демократия вообще, в том числе и в языке – не вседозволенность, следствием чего является заметный рост в обществе сторонников цензуры.

Коренная общественно-экономическая реформация в странах Восточной Европы привела в течение последних 20 лет к весьма ощутимым изменениям в сфере языка и языковой деятельности. К тому же, процессы социальной реформации совпали по времени с информационно-технической революцией, которую можно назвать настоящим взрывом мировой коммуникации. Неизбежные в таких условиях языковые изменения не обошли вниманием как сторонников языкового пуризма и консерватизма, так и сторонников языкового новаторства. Представители старшего и среднего поколений не успевают приспособиться к новым реалиям, поэтому пропасть в языках между поколениями возрастает [см.: Кронгауз 2002:135].

В начале перестроечного периода критика новых явлений в языке воспринималась как защита старых норм, как консерватизм, но постепенно критика воспринимается все более позитивно. Сторонники консерватизма и пуризма в языке вредят себе именно ввелингвистическим консерватизмом. Поэтому их позитивный в определенном отношении языковой консерватизм теряет свой позитивный аспект (аспект необходимости сохранения языковой чистоты), когда он отождествляется в глазах нового поколения с ввелингвистическими устаревающими политическими и государственными убеждениями сторонников консерватизма.

Наиболее ярко новизна языка проявляется в заимствованной лексике и в сленге. В современном русском языке можно отметить засилье иностранной лексики и даже подавление заимствованиями существующих традиционных наименований. Еще менее используются возможности собственно русского языка для первичного наименования: „В ситуации отсутствия слова для нового понятия это слово может создаваться из старых средств, а может просто заимствоваться.

Русский язык в целом пошел по второму пути” [там же, 139]. В проекте о русском языке как государственном предлагается запретить использование иностранных слов при наличии русского аналога. Между тем волна заимствованных новообразований захлестнула традиционного носителя русского языка, даже появляются обиженные реакции в констатации того, что „грамматический дух великого и могучего русского языка поставлен на службу коммерции” [Чередниченко 2002:153]. Тем не менее новые заимствованные формы преобладают не во всех стилистических типах общения и не во всех группах лексики. Например, в экономической, компьютерной, научной новой лексике преобладают заимствованные основы, а в сленге, жаргоне – русские производящие основы.

Несмотря на действительную чрезмерность проникновения дублирующих заимствований, мы считаем, что в целом новые явления в языке являются позитивными. Главный положительный момент в развитии современного русского языка состоит в том, что носители русского языка наконец услышали, как говорит нормальный средний человек не только в быту или кругу ближайших знакомых, но и в прессе, и на официальном уровне. Авторитет литературного языка остался, а вместе с тем появилась возможность искреннего, непосредственного, то есть живого и функционального общения как на уровне разговорного стиля языка, так и газетно-публицистического и официально-делового.

Наиболее обобщенно демократизацию языка можно представить как проявляющуюся в двух языковых аспектах – **информационном** (понятийно-лексическом) и **стилистико-типологическом** (формально-грамматическом). Первый аспект можно назвать понятийно-тематическим, так как он отражает свободное использование в современной речи тем, ранее по разным причинам не допустимых в общении. Второй аспект можно назвать субъективно-функциональным, так как он связан именно с личностным фактором, с языковой способностью, а также с понятийной и языковой картиной мира конкретного субъекта языкового общения.

Объектом исследования новых языковых явлений таким образом с необходимостью становятся, во-первых, типология языковой деятельности, то есть знание стилистических функций и требований языка (особенно динамика изменений в этих функциях и требованиях), и, во-вторых, индивидуальные способности личности, которые объединяют и реализуют понятийно-лексический аспект и типолого-грамматический аспект языковой деятельности. Именно здесь входят в силу требования и нормы так называемого „демократического языка”.

В выражении „демократизация языка” акцентированы, как было сказано, прежде всего следующие позитивные семы: свобода самовыражения, наличие обратной связи, отсутствие цензуры, коллоквиализация языка (взаимопроникновение стилей) и др. С другой стороны, не акцентированы и являются фоновыми и, скорее, неосознанно не приемлемыми для обычного носителя языка следующие семы: личная инициатива и ответственность человека в речи, самоконтроль в поведении, культура конкретного человека. Отмеченная неприемлемость объясняется тем, что в последнем случае речь заходит не о правах, а, скорее, об обязанностях субъекта социума.

В употреблении достаточно неопределенной категории „демократизация языка” часто бывает непонятно, что имеется в виду и к каким аспектам она применяется. Возможно, неопределенность объясняется тем, что данная категория применяется часто слишком обобщенно и в целом ко всему в жизни государства и отдельной личности. Особенно значимо то, что в употреблении категории „демократизация языка” не различаются аспекты процессов демократизации, относящиеся отдельно к правам и отдельно к обязанностям субъекта и социума. Это приводит к тому, что редко в процессе коммуникации уточняется предмет обсуждения. Представляется, что прежде всего под демократизацией языка в позитивном аспекте имеется в виду именно то, что было так понятно всем и чего так не хватало в период отсутствия свободы слова, то есть свободы языкового волеизъявления, а именно возможности высказываний по наболевшим вопросам. При этом не говорится о том, что в демократизации языка все оказалось не так просто.

В русскоязычной публицистике на данную тему можно теперь часто слышать следующие рассуждения: „В советское время было ясно: истинные ценности находятся ровно в противоположном направлении от того, что было разрешено в официальном искусстве. А сейчас таких ясных ориентиров нет. Есть известный парадокс: эпоха тоталитаризма способствует развитию высших форм культуры. Сами по себе ограничения плодотворны для искусства...” [см.: Бродский 2005: 15]. Э. Радзинский утверждает: „...вот такая закономерность открывается мне в русской судьбе: всякая революция приводит к вырождению культуры, хотя обещает именно ее расцвет. Почему? ...Что-то ужасное делается с нацией, пережившей стресс...” [Радзинский 2005: 27]. Данные высказывания только заостряют проблематику и подчеркивают неоднозначность для культуры сущности и функционирования в социуме и государстве категорий демократизма, права, цензуры и др.

Кроме того, не следует забывать, что существует цензура социальная и цензура личная. И они взаимно неравноправно поддерживают друг друга. Причем, социальная цензура нередко воспитывает или стимулирует цензуру личную, как это не парадоксально – именно в этих соотношениях объясняется вышеотмеченный парадокс позитивного влияния тоталитаризма на развитие высших форм культуры. Говоря о языке, исследователи чаще всего говорят именно о социолекте, а говоря о цензуре, чаще говорят именно о социальной, или государственной, цензуре. Было бы очень плодотворно в исследованиях перенесение акцентирования с демократизации социолекта на демократизацию идиолекта, то есть индивидуального языка. К сожалению, теория идиолекта отдана в жертву теории социолекта; поэтому теория языковой личности только начинает свое становление, хотя проблема идиолекта была поставлена еще в XIX веке младограмматиками.

Идеология общества создает или, по крайней мере, в целом предопределяет отношение к языку и текстам, в том числе и к особенностям методологии научных исследований. Социализм советского типа онтологию языка видел в социологизме (в социолекте), что, скорее всего, является результатом диктата государства. А в свободных обществах онтология языка видится преимуще-

ственно в субъективизме отдельного носителя языка (в идиолекте), что, бесспорно, является результатом демократического устройства общества. Однако в постсоветском пространстве, несмотря на все кардинальные многоуровневые изменения в государстве и в обществе, методология науки, в частности, языкознания, остается в целом той же самой методологией, что и была – материалистической, позитивистской, социологической и т.д. То есть, на данный момент можно констатировать значительно большее и явное отставание изменений в методологии исследований, например, в понимании отношений социолекта и идиолекта. И это несмотря на то, что основы теории отношений социолекта и идиолекта заложены достаточно давно Ф. Соссюром, И. Бодуеном де Куртене, Л. Щербой и др. И. Бодуен де Куртене даже строго развел и противопоставил понятия „истории социолекта” и „развития идиолекта” как совершенно разные явления [см.: Бодуэн де Куртене 1963: 208]. Тем не менее язык в основном понимается как социолект в виде либо речи, либо текстов, либо отвлеченного конструкта литературного языка.

Язык является субъективным (хотя по возникновению и надличностным, социальным) многофункциональным образованием. Множество функций, которые он выполняет, затрудняют определение онтологии языка. Наиболее известна языковая функция общения, несмотря на то, что существуют в виде научных теорий указания на другие неоспоримые и не менее важные способности и функции языка. Например, функция преобразования и формирования информации, ее хранения, возможность манипулирования (намеренного или ненамеренного) информацией, функция развития (догматического или творческого) интеллекта субъекта, функция познания субъектом мира и своих способностей и др. К сожалению, в проблематике языка едва ли не самой малозначимой оказалась проблема онтологии языка.

В наиболее устоявшемся виде традиционно представлены два полярных понимания онтологии языка – (1) языка как Логоса, ноуменальной способности субъекта и (2) языка как инструмента общения, функционального средства регуляции социальных отношений. В обоих случаях недостаточно изученным и оцененным осталось обратное воздействие языка на сознание человека. Игнорирование онтологии языка привело к тому, что языковые стереотипы (в том числе текстовые стереотипы) языка стали в значительной мере господствовать над субъектом (особенно в XX-ом веке), подавив социальными догмами его волю, независимость, а также способность и право на свободное мышление и творчество. Между тем язык как средство не только коммуникации, но как средство познания и регуляции не обязательно должен безраздельно доминировать над субъектом, субъект сам может и должен осознавать когнитивную и регулятивную функцию языка и ограничивать в меру возможности достаточно ощутимое воздействие языка на волю субъекта. Но для этого надо знать природу и структуру отношений языка с другими способностями субъекта, в частности, знать то общее и различное, что есть в языке, в сравнении с другими способностями субъекта (сенсорными, эмоциональными, образными, рациональными и др.).

В отношении понимания онтологии языка можно различать минималистский и максималистский подходы, из которых первый утверждает субъективность онтологии языка, а второй – объективность, внесубъектность онтологии языка. Именно максималистские установки позволяют делать перенос понятий предмета исследования из сферы способностей субъекта во вневременность и внепространственность сакрального мира. В результате термин „язык” в значении „реальная семиотическая способность субъекта в функции общения и познания, а также ее функционирование” начинает в экзистенциально-идеалистических теориях (например, в теориях М. Хайдеггера, Г.-Х. Гадамера) означать „ирреальная сакральная способность Бытия, сущностно определяющая поведение человека”. Данное понимание языка является примером феноменологизации языка, подобно этому феноменологизируется язык и в социологических теориях языка.

Есть и еще одна более важная причина опасности феноменологизации и, особенно, социологизации языка для отдельного идиолекта. Социологизм языка в виде социолекта часто приводит к обезличению отдельных индивидов, приводит к трактованию социолекта как безликой массы, к догматизму в реализации воли социума в разных видах: будь-то в виде „духа народа” у В. Гумбольдта, воли общественно-экономических формаций в материалистическом социологизме, воли религиозного чувства в мусульманстве и др. Идиолект тонет, растворяется, исчезает в этом всеподавляющем социальном давлении. Это является неизбежным следствием феноменологизации языка как социолекта.

Обезличенному социолекту исследовательских теорий реально и живо противостоит конкретный идиолект в разнообразных проявлениях речевой деятельности. В живой коммуникации идиолектов в настоящее время мы являемся свидетелями повышения интенсивности коммуникации, перемещения идиолекта в новые социальные окружения, увеличения количества восприятий опосредованных устных и письменных коммуникаций, свидетелями явления виртуальных перемещений (телевидение, интернет), увеличения количества языков в объеме идиолекта (полигlossия) и др. Все это на фоне тотальной глобализации экономических и государственно-политических структур требует большего внимания к такому явлению как „язык” именно в значении „идиолект”.

Социальных барьеров в демократизации языка в настоящее время не существует, но существуют субъективные барьеры – в частности, остается напряженность между идиолектом и социалектом (социолектом именно в виде совокупности общающихся идиолектов и текстов как результатов такого общения). Однако такая позитивно и эвристически понимаемая напряженность может возникнуть только в том случае, если субъект не будет бездумно доверять социальным стереотипам и некритично отвечать наиболее утвердившимся социальным штампам языкового поведения. Наиболее легко поддаются идеологическим, политическим и др. манипуляциям именно некритично мыслящие субъекты, попадающие под влияние манипуляционных стереотипов, причем, нередко именно под лозунгом демократизации социальных процессов.

На основании вышесказанного можно обобщить и подытожить наиболее важные аспекты содержания настоящего анализа понятия „демократизация языка”.

Категория „демократизация языка” является достаточно многозначной и даже противоречивой. Для более строгого определения данной категории необходимо различать и уточнять многие аспекты ее значения, например, позитивные и негативные семы содержания, семы, относящиеся к правам, и семы, относящиеся к обязанностям субъекта языковой деятельности и др. Соответственно необходимо также учитывать данные различия при использовании категории „демократизация языка” в исследованиях проявлений социальной вербальной деятельности (в частности, в различных социальных системах, в стабильные или в нестабильные периоды истории, например, в разные периоды социальных „перестроек” и „постперестроек” и мн. др.).

Представляется функционально оправданным при использовании категории „демократизация языка” различать язык в форме социолекта и язык в форме идиолекта. Необходимость подобного различения закономерно влечет за собой необходимость различения социально-государственной цензуры в социолекте и личной цензуры и ответственности в идиолекте. Соотношение социальной цензуры и автоцензуры является малоисследованным, очень важным и интересным аспектом проявлений социального языкового опыта.

Определяющее влияние на содержание категории „демократизация языка” оказывает методологическое понимание (рефлексивное либо спонтанно-интуитивное) онтологии языка (языка как социолекта и языка как идиолекта). Различное понимание онтологии языка как в научных исследованиях, так и в обыденном общении проявляется в различном влиянии мировоззрений на языковое поведение субъектов социума. Недостаточно изученным и оцененным остается обратное воздействие языка (языковых стереотипов) на сознание и волю человека, на продуктивность и репродуктивность его мышления и поведения.

В связи с преобладанием в современном языкознании социологических теорий языка является актуальной необходимостью создания теории языковой личности, то есть теории идиолекта.

Библиография

- Бодуэн де Куртенэ И. (1963). *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I. Москва.
Бродский Вс. (2005). *Найти „Брата” в литературе*. Огонек, № 9, s. 12–19.
Кронгауз М. (2002). *Язык мой – враг мой*. Новый мир, №10.
Радзинский Эд. (2005). *Новые люди возьмут страну*. Огонек, № 3, s. 25–31.
Чередниченко Т. (2002). *Саундтреки*. Новый мир, №5.

SUMMARY**Criteria of the democratization of language**

In the present paper aspects of lexical meaning of the term ‘democratization of language’ are analyzed – positive and negative peculiarity of the meaning of that term. The methodological problem of ontology of language is discussed with the special attention to forms of individual and social language as well as the category of censorship (from the perspective of necessity of differentiation between the aspects of censorship: individual and social).